

Леонид М. Корогодский
ЕВРЕЯМИ
СТАНУТ
ВСЕ

Леонид Корогодский

ЕВРЕЯМИ СТАНУТ ВСЕ

«Издательские решения»

Корогодский Л. М.

ЕВРЕЯМИ СТАНУТ ВСЕ / Л. М. Корогодский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530194-9

В книге Леонида М. Корогодского «ЕВРЕЯМИ СТАНУТ ВСЕ»: Африканский жрец, еврей из Приседающего дома, коммунист-кагебист и бандеровец учат каббалу в Чернобыле. Рука отделилась, Нога стала полуостровом Европы, Ахилл и черепаха в Институте в Киеве.

ISBN 978-5-00-530194-9

© Корогодский Л. М.
© Издательские решения

ЕВРЕЯМИ СТАНУТ ВСЕ

Леонид Миронович Корогодский

© Леонид Миронович Корогодский, 2020

ISBN 978-5-0053-0194-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Хочу жить выше Всех, – заявил архитектору Граф.

Его трепетная душа рвалась вверх.

– Не очень высоко, – добавила Графиня.

– Не высоко, но выше Всех, – подытожил Граф.

Эта фраза дошла до нас

в камне.

Графиня, польская Золушка,
затерянная в лесах Чернобыля,
с французским именем Жанетта,
ноги в красных пятнах,
искусанные провинциальными комарами.

Как было за ними узнать
глубоко спрятанный внутренний мир?
Приходилось натирать стопы новыми туфлями,
перебинтовать сандалиями и котурнами,
выправлять туниками, юбками и каблуками.

Сама жизнь подвела женщин к тому,
что совершенно необходимо
иметь две, нет три, пары ног
и нравиться Всегда и Всем,
просыпаться и говорить себе:
сегодня, сейчас и Всегда у меня самые красивые ноги,
на любой вкус,
подходящие к будням, выходным и праздникам.

Можно упрекнуть Жаннетту в несерьезности,
но она ведь она не требовала дворцов и лимузинов,
а хотела стать совершеннее,
на одну пару ног.
Неясно, как она их меняла и где хранила,
но результаты были очевидны.

Трепетный Граф и Графиня-Золушка
поеживались при мысли
о таком желанном,
но огромном и безлесом Киеве.

Граф был не из тех принцев,
которые, после женитьб на золушках,
вечно пьяные пропадают на балах,
многозначительно коллекционируют тыквы
и крыс в ливреях.

Граф был собирателем искр.

Его Дом, построенный на огромной ступени холма,
притаился в окопе:
трехэтажный, но видный лишь наполовину,
с крепостными стенами метровой толщины
и высоченными потолками.
Ему хотелось и показаться, и спрятаться.
Многопалубный Ковчег,
застрявший в скале,
Приседающий Дом
на вершине холма.
Живя на верхней палубе,
Граф мог годами не сталкиваться
с нижними кочегарами, машинистами и поварами:
еда и дрова подавалась наверх в специальных лифтах.

Рядом с Домом
обрушивался Крутой спуск,
как веревочная лестница с откоса,
со стены неприступной крепости.
Подъем давался нелегко,
особенно зимой,
когда Всё покрывалось
льдом и снегом.

На стороне Графа под окнами ездили позолоченные кареты,
а на заднем дворе снизу кололи дрова
и складывали их в сараи.

Внутри Дом,
от узорчатых полов до лепки потолков,
располагал к изысканности,
игре на клавесине
и галантным танцам.
Символом Дома стал хрусталь.

Каждое утро Граф наблюдал,
как сверкали и переливались на солнце
бело-голубые грани и изгибы кристаллов
с каждым поворотом вазы.
В лунную ночь они выносили
полюбившуюся вазу на балкон

и ловили едва заметные
отблески Луны в хрустале.
Мечущийся Граф что-то искал,
на Графине были лучшие ночные ноги.
В этот миг
тыква становится каретой,
злобная крыса – услужливым кучером в золотой ливрее,
а Золушка – принцессой.

Но погода все чаще и чаще
оказывалась пасмурной,
лились нескончаемые дожди.

Выросший под носом Университет
и вовсе закрыл горизонт,
а построенный снизу круглый Рынок
воскурял запахи рыбы, еды и крови.
Балкон больше не радовал,
приходилось закрывать и окна.
Эпоха хрустала прошла.

Нежный Граф обнаружил себя и Дом
выглядывающими из окопа
и припавшими к стопам лестницы Университета,
языческого храма с готической башней католического собора,
достроенной по просьбе Графини.

Дом, словно по нужде, присел в окопе,
выглядывая и озираясь,
в приспущенных штанах,
заголивший зад Рынку,
вопреки всем правилам военного искусства.
Не думал осторожный Граф,
что его так окружают со всех сторон.
Неспокойно было и в нижних трюмах —
там зрел бунт.

Здрав голову,
Граф смотрел на башню Университета,
который все рос и рос,
а Дом, казалось,
все больше уходил под землю.

Университет же с башней
свысока поглядывал
на полузарытый в землю домишко,
заливая презрением
крышу-каску с рогами дымовых труб,
наполняя им ров у Дома,

Крутой спуск до заболоченного Рынка
и делая мелкий Крещатик
полноводной рекой,
затапливающей даже городскую Управу.

В спину Дома дышали запахи Рынка,
крики гогочущих, кудахтающих, мычащих
и навсегда молчащих.

Графу долго снилось,
как он на Рынке в белом халате
бесплатно раздавал содержимое своего препарированного брюха.
При этом он прекрасно себя чувствовал,
шутил и смеялся,
приглашал Всех к себе домой
и был совершенно счастлив.
После таких снов Граф стал
чаще заглядывать на Рынок.
Одевался попроще,
терпел запах крови, рыбы
и что-то искал,
внимательно принохиваясь и приглядываясь.

Дом философски отсиживался в окопе,
лукаво выглядывая из укрытия верхним этажом.
Он явно готовил какие-то сюрпризы.

А сама улица назвалась Круглоуниверситетской.
В этом имени скрывалась какая-то загадка.
За последнюю сотню лет его не разу не меняли,
ни во время войн, ни революций и оккупаций —
два полуповорота циркуля на карте,
спираль на холме,
знак вопроса
с точкой круглого Рынка внизу.
Это длинное сложное слово задевало и беспокоило Графа.
Он проходил по, теперь уже, Круглоуниверситетской
от Рынка до Дома
по несколько раз
и Всегда задумывался.

Круг.
Университет.
И спуск.
Крутой спуск.

Чего-то здесь не хватало,
в этом Круге,
во вместилище мудрости.

Что-то резало слух.

Разогнавшись вверх,
по крутой спирали Круглоуниверситетской,
разорвав магическую черту Круга,
можно было выйти на правильную орбиту
и с самого низа, с Рынка,
минуя Университет,
взлететь прямо во дворец Президента,
в Правительство, Банк или Парламент.

Часами Граф бродил
по злополучной улице,
во что-то вглядываясь,
к чему-то принюхиваясь и прислушиваясь.
При этом постоянно бубнил.

Холм,
Круг,
Университет.
Нет.
Чего-то нет.

Зимой отвлекали каминны.
Он днями и ночами наблюдал
за осмелевшими вылетающими искорками.

Графа угнетало,
что искры вылетали,
взлетали
и гасли.
Всегда.
Никогда не становились
новым, еще более ярким огненным шаром,
взмывающим и увлекающим за собой, вверх
его, Графиню, еще не родившегося сына
и весь уже столько лет Приседающий Дом.

Это наводило растерянного Графа на мысли о смерти.
Что может осветить одна искра?

Как сделать, чтобы они не гасли,
а полными огоньками летали по комнате?
Тогдашняя Наука еще помнила горящие костры на площадях
и от таких вопросов шарахалась.
Объяснения ученых из Университета,
что какое-то вещество сгорает,
Графа совершенно не устраивало.
Почему какой-то электрон,

непонятно зачем,
бесконечно кружится и вращается,
а прекрасная искорка мгновенно гаснет.
Священники разных конфессий тоже побаивались этой темы
и в ответ на его вопросы,
пожимали плечами, отмалчивались
или крутили пальцем у виска.

Затосковавший Граф тайно ездил
советоваться с раввином-каббалистом
в свое поместье
в Корогоде
у Чернобыля.

Тот, в отличие от многих,
не счел его сумасшедшим
и отнесся к сказанному абсолютно серьезно.
Веселый раввин сообщил,
что из одной искры пламя не возгорится.
Нужно десять искр,
объединившихся добровольно,
совершенно добровольно.

Такой ответ Графу понравился.
Он долго еще представлял,
как десять искорок,
вместо того, чтобы навсегда погаснуть,
сближаются, льнут друг к другу
и остаются горящим огоньком.
Навсегда.
Но о чем все же говорил тот еврей
и где взять десять таких умных искр?

– Судьба мира зависит от десяти искр,
от их объединения, – добавил тогда каббалист.

Весной и летом каминные гасили,
становилось жарко и скучно,
огненное волшебство исчезало —
не было вечерней темноты
и разлетающихся из камина искр.
Граф грустил.

Но был еще один источник идей.
Растерянный Граф побрел на Рынок.
Там, среди вонючей рыбы и кудахтающих кур,
он увидел волшебного китайца
в золотом халате, с тонкой бородкой и свисающими усами.
Перед ним стояла банка с рыбками-огоньками,

по словам продавца, летающими.
Огненно-золотая, да еще и летающая рыбка.
Да не одна, а несколько!
Тут никаких желаний даже не нужно загадывать.

В тот же миг Граф стал ярым поклонником Китая,
недавно родившегося сына назвал Конфуцием.
В его душе искрами порхали золотые рыбки.

Тут же в осиротевшие без огня каминны
поставили аквариумы
с пламенеющими восточными рыбками.

Граф ждал.
Раскормленные твари питались, поправлялись и размножались,
но и не собирались никуда прыгать,
а тем более летать.
Краснопузые лжелетуны сыто дремали в аквариумах,
разочарованный Граф грустил в кресле напротив.
Нужна была новая идея.

Вдруг он вскочил и хлопнул в ладоши.
Забегали разбуженные слуги,
вспорхнула с дивана Графиня,
заревел испуганный Конфуций.

Граф велел распахнуть окна
и раздвинуть кружевные французские занавесы.
В комнаты влетел рой мух,
вскормленных Рынком и конским навозом улицы.
Рыбки в аквариуме напряглись и забеспокоились —
наконец, и у них появилась в жизни цель.
Прицельно ведя взглядом зажавшуюся жирную муху,
первая выпрыгнула свечой,
схватила ее
и вернулась в аквариум,
вторая уже сделала небольшой полукруг,
а третья понеслась по комнате,
хватая муху за мухой.
За ними золотым дождем посыпались остальные.
Летающие факелочки
выскакивали из аквариума
и, покружив немного,
ныряли назад.
Счастливый Граф сиял,
Графиня бросилась готовиться к приему гостей.

О рыбьем цирке писали в газетах,
Дом бурлил,

Графиня не успевала менять ноги.

Рыбки, уже профессионально, взлетали над водой
свечой или полукругом и,
красиво изгибаясь,
ныряли обратно в аквариум.

Однажды воодушевленная коварной мухой рыбка,
окончательно утратив ощущение реальности,
вылетела в открытое окно
и плюхнулась на дно рва.
Ее спасло только то,
что там была лужа.

И это навело Графа на новую мысль
о Китае – стране фарфора,
земле, где живут золотые рыбки,
огромные золотушие рыбины.
И не в гигантских императорских аквариумах,
а на воле,
в озерах и реках.

Граф поехал в Китай.
Там с улыбками и поклонами
его усадили в рыбацкую джонку,
и долго плыли
по священной Желтой реке.
Рыбак-китаец,
обратившись к потоку,
долго кланялся
что-то бормотал,
хлопал ковшом ладони по воде.

И вдруг в метре от него
вынырнула золотая рыбица
с корову величиной
в огненной чешуе, с пятерню размером.
Какое же невероятное желание
она могла исполнить.
Но золотой карп
только равнодушно глянул на Графа
глазом-тарелкой.

Чем больше у человека желаний,
тем больше требуется ума,
чтобы их реализовать.

За невозможные деньги
Граф купил две икринки,

которые под страхом смерти
запрещалось вывозить из Китая.
Вывез.

Ров у Дома
был углублен и расширен,
залит водой и превращен в пруд.
Теперь в нем плавали,
заглядывая в окна нижних этажей,
два гигантских золотых карпа.
Граф любил сидеть на свисающем надо рвом балконе
и кормить их кусками отборного белого хлеба.
В благодарность золотые рыбины
откладывали на окнах и стенах дома
крупные, как яйца, икринки,
которыми Граф угощал самых знатных гостей.

Конфуций обожал прыгать в пруд
прямо с балкона,
пытаясь оседлать
сверкающую на солнце
скользкую золотую рыбищу.

Приближалась зима,
и жильцы нижних этажей
с ужасом думали,
как они окажутся
в огромном куске льда,
начнут трещать и ломаться
их окна и стены.

Что-то чувствовали и рыбы.
Однажды ночью они исчезли
вместе с водой.

Граф увидел в этом
какой-то знак,
перст судьбы.
Это отсрочило на несколько лет
надвигающуюся революцию.

Оказалось, что в дикой природе,
эти рыбины живут в глубоких норах,
которые сами же роют.
Кто-то рассказывал,
что видел из окна дома
вырытую глубокую яму-тоннель,
но ее тут же затянуло илом.
А у подножья холма,

на подступах к Рынку,
возникла бездонная и бесконечная лужа
и уже подернулась льдом.
Позже эта мистическая лужа спасет Графу жизнь.

В тот день Конфуций
чуть не разбился,
почти прыгнув в ров
без воды.

Золотых карпов долго еще искали
в киевских озерцах, болотцах, речушках, даже в Днепре.
Однажды на Рынке под холмом
Граф увидел двух огромных выпотрошенных рыб
без молок и икры.
Чешуя поблекла и трудно было понять,
те ли это рыбы.
Рядом висела распоротая свиная туша
и множество кур и петухов
без перьев и голов.
Это был второй знак.

С беспощадной ясностью
Графу вдруг открылось,
что нет больше Золотых Рыб
и уже не будет никогда.
Ров засыпали до прежнего размера,
рыб больше искать не стали.

А между тем
две огромнейшие золотые рыбины
выныривали
в незамерзшем еще Крещатике.
Несколько дней они выглядывали из воды,
выжидательно крутили головами.

Откормленные благодарные рыбины
были готовы выполнить
Все украинские желания,
но никто их не о чем не просил,
никто не забросил невод,
ничего не загадал.

Разочарованные рыбины,
пыхтя от лишнего веса,
расправили огромные плавники,
сыто переваливаясь,
стали на крыло
и стартовали.

Два рыжих дирижабля
возвращались в Китай.

Под ними проплывал
Крещатик, Круглоуниверситетская, Крутой спуск,
Киев, Чернобыль, Украина.

Никто никогда не видел
золотых летающих рыб
и никто их не заметил.

Дівчата та хлопці бачили
двох вгодований рудих гусаків,
котрі відокремилися від зграї.
Українці та українки
завзято вимахували хустинами, кучмами, брилями та капелюхами.

Они еще не понимали,
что теперь им Всё придется делать самим —
их упитанный шанс на беззаботную жизнь улетал.

Чуть не разбившийся Конфуций,
разочаровался в рыбах и рыбках —
перед глазами стояла жуткая картина:
он прыгает в пустой ров
и разбивается из-за каких-то двух тупых карасей.
Этот случай совершенно отвратил его от рыб,
вечно голодных краснопузых тварей.

Даже с отцом у него охладели отношения
и в этом вечном поединке,
происходящем у него на глазах,
он однозначно встал на сторону мух.

Это была резня,
бойня,
геноцид.

Конфуций стал внимательнее приглядываться
к этим чудным летающим изюминкам,
с их изумрудным, перламутровым и жемчужным отливом,
даже пытался мух разводить.
Впрочем, потребности в этом не было,
мух хватало.

Он был не лишен исследовательской жилки
и стал замечать,
что не все мухи
бестолково носятся по комнатам,

от Рынка до конских навозных куч Круглоуниверситетской,
подставляя себя рыбам.

В глубине роя

вызревала новая идея.

Одна из тысяч мух

отделялась от подруг и соплеменниц,

залетала в книжный шкаф,

ползала по корешкам книг,

по тисненным канавкам заглавий.

От прожорливых летающих рыб

было спасение

только в книжном шкафу —

книгами эти твари совершенно не интересовались.

И некоторые мухи,

понаблюдав за ужасами графского Дома,

перелетали в здание напротив,

в Университет.

Именно эти несколько мух

указали молодому дворянину

путь в Науку,

к знаниям.

Больше других, мух привлекала

совершенно непонятная рукопись,

написанная то ли на берберском,

то ли на эфиопском языке.

Заинтересовавшийся Конфуций

однажды открыл ее

и благодарные мухи

посыпались на страницы.

Они каждый раз садились

одна за одной

в каком-то только им понятном порядке.

И вдруг Конфуция осенило:

это же был текст!!!

Букву за буквой,

как непонятные узоры,

он начал копировать их,

пока не понял,

что это греческие буквы,

написанные какими-то прозрачными чернилами.

Позже, после многих анализов,

прозрачные чернила оказались

древнегреческой или древнеегипетской мочой,

которую только они, мухи,
уцелевшие и отобранные непрерывной войной
с летучими рыбами,
смогли распознать.

Это были уже совершенно новые,
лишенные прежних предрассудков мухи.
Иначе как они смогли бы
распознать по запаху
и полностью восстановить
сложный древнегреческий текст
двухтысячелетней давности
с рисунками и чертежами?

Конфуций увлеченно возрождал
вслед за мухами
букву за буквой
и все больше уходил
в древние Грецию и Египет.

Так, вслед за Оксфордом,
Университет получил
совершенно неизвестную рукопись Герона Александрийского.
С тех пор как восстановленная рукопись
переместилась в университетскую библиотеку,
здания Университета
были традиционно полны мухами.
Благодарные мухи искренне полюбили Университет
и, кроме рукописи Герона Александрийского,
им вскоре стала нравиться
вся университетская атмосфера.

Кумиром Конфуция стал Герон.

Книгопечатания во времена Герона еще не было.
Рукописи хранились
в знаменитой Александрийской библиотеке,
которая была сожжена.
Большинство его трудов не уцелело,
дошли отдельные копии работ.

О самом Героне мы не знаем ничего,
даже меньше, чем об Архимеде.
В одной из книг он описал
знаменитое солнечное затмение
и так мы примерно узнали
веху его жизни —
почти современник Христа и Клеопатры.

Центром учебы и мудрости,
после дрыхлеющих, дремлющих и философствующих Афин,
стала молодая эллинистическая египетская Александрия.
Там тогда и говорили по-гречески.

И Герон, вслед за Пифагором и Архимедом,
двинулся в новую перспективную Александрию,
в обновленный античный Египет.
Тогда уже многие ездили в Египет
за наукой и образованием.

Глядя на рисунки Герона,
Конфуций строил забавные машинки
и выставлял их в шкафу.

Мать Графиня меняла ноги,
была занята собой и домом.
Граф не одобрял выбор Конфуция.

Конец их конфликту положила
обычно рассудительная,
но в тот день тоже задумавшаяся лошадь.
На самом краю оледеневшей улицы она оступилась
и карета,
торпедой, снарядам,
заряженным мечтающим Графом,
грозя разнести Рынок,
понеслась по остекленевшему откосу Крутого спуска вниз.

Только чудесная глубокая и безбрежная лужа
спасла Рынок
от таранного штурма,
а Графа – от судьбы боеголовки.
Может быть золотушие рыбины
ощущали какие-то рыбы угрызения совести
перед Графом
и так, спасая ему жизнь,
вину заглаживали.
И это тоже был знак.

Залитый грязью разбитый Граф выбрался из кареты,
посмотрел наверх
и тут его осенило.

Он понял, чего ему не хватало —
это был Подъем.

Улица рядом называлась Крутой спуск,
а должна быть Крутой Подъем.

Круг.
Университет.
Подъем.
Подъем!

Вот тогда Всё встанет на места.
Он нашел разгадку,
которая навсегда изменит судьбу города,
безо всяких самых золотых рыб.

Несколько раз подавал он
проект переименования
Крутого Спуска
в Крутой Подъем
в городскую Управу,
чуть не разорился на подарках,
предлагал новые указатели сделать за его счет —
без толку.

Университет – понятно.
Но чего вдруг из Круга и Университета выходит Подъем?

Народ к подъему готов не был,
пусть даже на бумаге,
только в названии улицы.
Граф пустился на хитрость.
Пытался протащить слово «Подъем»
на латыни: «Эректус»,
Erectus maximus.
Думал, разрешат,
из уважения к античности,
или не поймут.
Поняли.
Не разрешили.

А звучало бы совсем неплохо:
Круг,
Университет,
Эректус.

И Граф снова загрустил.
Ему даже снилось,
как четыре всадника
на Золотых Рыбах
штурмуют Приседающий Дом,
захватывают Университет,
Правительство и Банк.

Не будет счастья Киеву,

пока вместо Подъема – Спуск.
Он поехал опять
к чернобыльскому раввину.
Тот выслушал его совершенно серьезно и сказал,
что лет через сто или двести
эту идею начнут понимать.
Не сразу Все, но таких людей будет все больше и больше.

Граф спросил, можно ли это ускорить.
Каббалист ответил, что лучше не ускорять,
что это и есть самая большая трудность:
поменять Спуск на Подъем.
Для этого нужно очень правильно соединить
Круг и Университет.
Не сейчас.
И объяснять больше не стоит.
Таким был последний знак.

Это совершенно подкосило Графа.

У него было Всё:
Приседающий Дом,
летающие золотые рыбки,
имение в Чернобыле.

Но он больше не хотел жить в Городе,
где так цепляются за слово Спуск,
Крутой Спуск.

Дом съежился от предчувствия
стенами метровой толщины.

По разным слухам, Графа видели в Китае,
в Индии,
в Палестине.
Следы его затерялись,
но еще вынырнут,
как две Золотые Рыбины из Крещатика.

В этом Доме,
после двух мировых войн и революций,
родился Александр.
Теперь он,
еврей с древним греческим именем,
жил в покоях самого Графа,
вернее в том, что от них осталось,
в коммунальной квартире,

многократно перегороженной соседями,
с родителями, бабушкой и дедушкой.

Приветом из далекого прошлого,
проступала лепка на высоченном потолке,
узоры паркета из деревьев разных сортов.
На ветхий балкон уже нельзя было выходить,
каминов давно не было.

Изменения каждого следующего поколения были все сильнее.

Дедушка Александра,
на котором он с восторгом ездил верхом,
пройдя весь курс изучения Торы
и гимназии в Чернобыле,
захотел учиться на врача и,
будучи евреем,
не получив высочайшего разрешения
на обретение знаний в Киеве,
уехал в Германию, в Лейпциг,
поступил в университет.

Студентом-медиком,
подрабатывал репетиторством по математике,
для немцев.

Получил диплом врача.

Тут началась первая мировая война
и дедушка обнаружил, что стал русским,
русским шпионом.

Его друзья-однокурсники были призваны в немецкую армию,
хорошо, хоть врачами.

Окольными путями он вернулся в Чернобыль.

Это спасло,
хоть и сделало нелегкой,
его жизнь.

Понимая, что теперь он
готовый немецкий шпион,
дедушка сжег диплом врача
и все немецкие документы.

Во время войны русскому царю
было не до евреев
и дедушку приняли на экстернат

Киевского университета Святого Владимира.
Там он отучился еще пять лет,
стал, наконец, дипломированным врачом,
женится на бабушке и переехал в Киев.

На этом же перекрестке
мировой, гражданской войны и революции
трое братьев, сестра и родители бабушки
уехали в Палестину.

Дедушке хватило переездов.
Попробуйте пережить двойную учебу,
мировую войну и революцию.

Младший брат бабушки выбрал построение коммунизма.

Два лагеря семьи
смертельно разругались,
разъехались,
разделились железным занавесом,
горячей, а потом холодной войной
и почти ничего не знали друг о друге.

Брат бабушки руководил
центральной частью района Киева,
еще до второй мировой войны
был арестован
и, как через много лет выяснилось,
почти сразу расстрелян.
Его жена провела восемь лет в лагерях,
а сын – в интернате для детей врагов народа.
Бабушка долго еще носила передачи в тюрьму,
призраку своего брата.

Спустя много лет Александр понял,
что бабушка никогда не рассказывала ему
о своих родителях, братьях и сестре.

А Приседающий Дом
находился именно в том районе,
который до войны возглавлял
брат его бабушки.
Тогда в нем жили другие люди.

Только начала забываться первая мировая война,
как началась вторая
и уже дети немецких друзей дедушки
были призваны в армию.

Выяснилось,
что в том самом злополучном университете,
поколением раньше,
учился и расцветал Ницше,
кумир самого Гитлера.

Немецкие войска
продвигались намного быстрее,
чем осознание опасности
у киевских евреев.
Они еще помнили
любезнейших немцев
времен первой мировой войны.
Дедушка потратил
Всё драгоценное время,
чтобы их переубедить:
открывал секреты
о своей жизни в Германии,
показывал письма младшего брата,
призванного еще до начала войны,
уже всю воевавшего и вскоре погибшего.

– Мы простые люди,
не коммунисты и не политики,
никому не делаем плохого.
Зачем нам бежать?

Евреи верили в просвещенный немецкий народ

.
Дедушка, пожив в Германии,
знал немцев,
понимал,
не верил.

Он уже был не призывного возраста,
у него не было ни малейших сомнений,
что от этих немцев евреям надо бежать.
Бежать было уже не на чем,
время было потеряно,
все дороги перекрыты.

Дедушка, бабушка, прадедушка и папа
с еще одной семьей паникеров
еле успели погрузиться
на чудом раздобытый плот
и отчалили вниз по Днепру
среди взрывов бомб.
Киевский потоп начался.

Дедушка уплывал от немцев,
с которыми прожил пять лет.
Они его приняли в университет,
вручили диплом врача,
немецкого врача.

Вернувшись после войны в Киев,
он до конца жизни
оставался кандидатом в немецкие шпионы,
в анкетах ни слова не писал
о Германии и совершенном знании немецкого языка.

Всего этого Александр не знал.

Много лет спустя,
они с Женой поехали в Лейпциг
и долго искали дедушкин университет.
На его месте стоял огромный аквариум
с милыми и воспитанными немцами,
уставшими от войны.
Неужели это от них
дважды бежал его дедушка?

Отец Александра был уже послевоенным коммунистом,
напуганным репрессиями
и, наконец-то, налаженной
партийной дисциплиной.
Подростком он видел и хорошо помнил
взлет и падение
своего верного идее дяди и его семьи.
В школе до войны учил немецкий язык.

Был увлечен своим делом,
всегда задерживался на работе
с гордостью и чувством исполненного долга.

Был болезненно честен:
мог принять от подчиненных в день рождения
торт или коробку конфет,
которые тут же открывал и Всех угощал.

Он не хотел быть подлецом
и предпочитал верить,
в то, что ему часто приходилось говорить.

На дурацкие вопросы Александра
не отвечал,
отмалчивался.

Наверное, Все, поселившиеся в этом Доме,
должны были иметь какие-то тайны, загадки
или, хотя бы, странности.

Лишь много лет спустя,
Александру удалось как-то узнать
тайны истории своей семьи
по оговоркам, обрывкам и намекам.

А вот главную тайну о том,
кем был его прадед,
который жил в Чернобыле
и которого Александр называл Пра,
он узнает уже взрослым,
совсем не от родственников,
и она кардинально изменит его жизнь.

А пока он сидел
с непрожеванной ложкой во рту.
С детства ел медленно, и мечтательно,
часто задумывался посреди еды,
засыпал и вставал поздно,
слыл лентяем.

Ад в его представлении был местом,
где рано будили,
куда-то волокли
и заставляли делать то,
чем абсолютно не хочется заниматься.

Потом он прочитал, что в древнем мире
люди, вроде него, очень ценились,
так как, не засыпая по ночам,
охраняли свое племя.
Это новость поразила его.
Александр понял, что является древним атавизмом.

Особенно Всех раздражала его
манера мечтать лежа,
глядя в потолок, или сидя,
уставившись в одну точку.

Человек должен вставать утром и идти работать,
а вечером возвращаться без сил,
смотреть телевизор
и ложиться спать,
чтобы утром подняться и снова пойти на работу.

Тело чувствует жизнь, когда выматывается
до предела.

Привет, друг Обломов,
Илья Ильич!
Здравствуй и прощай.
Ты прожил,
как хотел.
Александр – не дворянин,
не помещик,
не русский в России —
ему предстоит другое.

При этом Александр был аккуратен, даже педантичен.

Из него бы вышел отличный дворник.

Его пассивность пугала
энергичного отца-коммуниста.

Школьному Исторiku нужна была атака.
Он вскакивал с птицами
и бежал с копьем наперевес
в поисках врага и добычи.
Ненавидел флегматичных снайперов,
годами поджидающих цель.
Ему бы коня и шашку,
а не тоску средней школы.
Историк носился по классам и коридорам,
энергично подгоняя растерянный и сомневающийся мир.
Александра он, конечно, ненавидел.
«Рравнодушный» – кричал он,
раскатисто усиливая букву «Р».
Александр, действительно, был рравнодушным.
Его совсем не занимали
зажигательные собрания и митинги,
демонстрации, плакаты,
героические фотографии на стенах
и молодежные движения.

Даже «Три мушкетера» не произвели на него никакого впечатления.
Драться и скакать куда-то ради каких-то подвесок,
только словарь помог ему понять, что это такое,
ради странного романа замужней французской королевы
и английского шпиона?
Все за одного!
Ради чего?

Спустя годы,
Александр случайно с изумлением узнал,
что пламенный борец с капитализмом
перебрался в Америку,
открыл там какую-то лавку,
пытался учить жизни своих необразованных соседей
и его там застрелил
далекий внук Великого Африканского Жреца.

Но не таким уж равнодушным был Александр.
Однажды, разглядывая карту на уроке географии,
он вдруг проникся сочувствием
к крохотной беспомощной Молдавии,
зажатой с двух сторон Украиной и Румынией.
Что будет с ней,
если огромная Украина
вдруг захочет отделиться от Советского Союза?
И хотя ничто тогда не предвещало
такого кардинального исхода,
он вдруг поднял руку и спросил.

Географичка абсолютно не верила
в такое печальное событие
и Молдавии ей было совершенно не жаль.
Так глупый Александр обрел еще одного школьного врага.

Умение задавать дурацкие вопросы себе и другим
у него было не отнять.

Почему эти невидимые молекулы
притягиваются, отталкиваются, взаимодействуют
именно так?
То, что крохотные шарики, электрончики и протончики,
крутятся и куда-то движутся,
он еще как-то представлял.
Но почему именно такая молекула
притягивается к совершенно другой
и после этого раствор окрашивается,
не иначе, как в синий цвет,
при этом охлаждается, кипит или взрывается?
Зачем вообще электроны и протоны
вдруг соединяются и образуют какие-то молекулы и клетки?
Зачем им это нужно?
Чем им было плохо без этого?

Потом он понял,
что ответа на этот вопрос нет
и Всё нужно просто запомнить.

Александр уже смирился,
что ему не дано понять невидимую жизнь частиц,
но тут на него свалилось нечто совершенно очевидное, осязаемое
и непонятное.

Александр так и не понял,
почему Ахиллес не может догнать черепаху,
если он легко ее перегоняет?
Его угнетал этот парадокс.

В этой гонке Александр
видел себя, скорее,
медлительной черепахой,
чем быстроногим Ахиллесом.

В сотый и тысячный раз
следил он за выкладками Зенона,
как ребенок за руками фокусника.

Вот-вот откроется окно в мир,
в котором чемпион Ахиллес
не сможет догнать
самую тихоходную черепаху.

Он много раз перечитывал,
смотрел на рисунки,
чертил схемы,
понимал, что существует
какая-то логическая цепочка доказательств,
ставил мысленный эксперимент.

Представлял бородатого, въедливого и очень умного Зенона,
почти земляка Архимеда.
Вот с Архимедом никогда не было таких проблем.
Все, что он делал, можно было
представить, пощупать, сделать, взвесить, изобразить, проверить,
кого-то тут же наказать
или наградить.

А ведь, действительно, вроде Всё логично.
Ахиллес пробегает один метр,
а черепаха – десять сантиметров,
Ахиллес – десять сантиметров,
черепаха – один сантиметр.
Далее переходим на миллиметры и микроны —
Всё как бы понятно.
Мы это рисуем на бумаге,
считаем,

поднимаем голову:
Ахиллеса уже давно нет,
а черепаха до сих пор у нас под ногами.

Вот она, Наука:
сидишь за столом,
что-то пишешь и считаешь,
поднимаешь голову,
а результата нет,
ничего нет —
одна только невозмутимая черепаха.

Чем меньше были шажки,
тем меньше разница между ними.
Шаги дробились и дробились
и эта разница становилась ничтожной.
Совершенно растерянный Ахиллес
замирал на одной ноге.
Он никого никогда не догонит,
если не будет бежать,
а только изучать философию Зенона.

Александр так и не понял
ни парадокса Зенона,
ни поведения атомов и молекул,
ни судеб империй и их частей,
но сдавал экзамены и продолжал с этим жить.

К тому же в планетарии ему рассказали,
что Солнце выгорит и погаснет
через миллион или миллиард лет,
а еще раньше Земля сойдет со своей орбиты
и постепенно улетит куда-то
в холодный, мрачный, темный и мертвый космос.

Вот и возникает злосчастный вопрос
о смысле жизни:
если когда-нибудь Всё развалится,
замерзнет или сгорит,
то какой же смысл в жизни,
которая кончается смертью и после не остается
ничего?!
Если жизнь кончается,
то и смысл ее кончается.
У временной жизни временный смысл...

Каждое утро, опровергая Зенона,

земляне
вставали с кровати, раскладушек, циновок
пили кофе, чай, воду,
надевали костюмы, кимоно, тоги,
бежали, шли, ехали
по России, Японии, Америке
в самолетах, машинах, рикшах,
на лошадях, верблюдах, велосипедах
в поля, офисы, цеха.

В Институт.

Здрав рясы, туники и вечерние платья,
во фраках, телогрейках и юбках
запрыгивали в кабины лифтов
гигантской многоэтажной центрифуги,
разогнавшись с утра,
неслись по этажам и кабинетам,
парили по коридорам,
седлая новых лошадок,
меняя аттракционы,
чудом удерживаясь на них,
преодолевая крутые подъемы и спуски.

Нарядная карусель
весело раскручивала и меткой пращей вбрасывала
каждого на его место.

Ровно в девять Рука
опускала стартовый флажок и пистолет,
выключала секундомер,
азартно отбивающий время прихода.

Карусель-центрифуга
прекращала задорно разбрасывать
ученых по темам.

Опоздавшие, потупив взор,
виновато крались по безлюдному коридору.
Они не получили вдохновляющего утреннего толчка
и день,
а, может, и карьера, и сама жизнь,
были безвозвратно утеряны.

Центрифугу-карусель храма Науки
Рука заводила
огромным золотым ключом
на его куполе.

В смутные времена ключ вынимали,
головку его меняли
на звезду, молот, крест, полумесяц серпа.
Во времена откровений снимали весь купол
и надстраивали еще этаж.

Строительство часто замирало,
но никогда не прекращалось.
Новый этаж тут же заселялся и обживался
современными научными направлениями.

Новоселы, глядя сверху вниз,
изучали опыт предшественников
и думали что, как и зачем строить дальше.

Иногда драгоценные кирпичи познания ронялись вниз
и разбивались.
Винновым это стоило должности и карьеры.

Нижние этажи постепенно погружались в землю.
Историки их изучали,
археологи раскапывали,
консервировали, превращали в музей.

Основные здания Науки были уже построены
и в них оставалось только наводить уют.

А вообще, садитесь ли вы в автомобиль,
заходите в магазин,
беседуете с девушкой,
можете не сомневаться,
что Всё вас окружающее и вы сами
являетесь предметом
чьего-то пристального наблюдения, изучения и исследования.

Наверняка есть институт
при университете, академии или спецслужбе,
у вас в стране или за рубежом,
а в нем отдел, сектор, научный сотрудник.
И Всё, что вы обозреваете
своим неискушенным взглядом,
укладывается точками послушных эмпирических кривых
на многочисленных графиках и диаграммах
в растущих библиотеках и архивах.

Информационное море привычно бушевало.
Каждая впадающая в него речка, речушка, ручеек
несли в себе тонны
познаний и постижений

прорывая слабые плотины ученых советов.

Они и залили костры инквизиции.
Вера слабела,
но зато вот я бросаю
камушек, орешек, железный шарик
с башни, дерева, обрыва
и ты свой бросаешь,
и любой монах,
и женщина, и ребенок,
и главный инквизитор бросает,
и у Всех они падают одинаково,
Всегда.

Опровергнуть это было невозможно.
Сжигать за такое было никак нельзя.

С геометрией Всё тоже было хорошо.
Хотя параллельные стороны дороги
обязательно вдалеке сходятся,
но если подойти и проверить,
то пересечение хотя бы отодвигалось.

С астрономией возникали сложности:
каждый день мы убеждаемся,
что Солнце вращается вокруг Земли
и оно того же размера, что и Луна.

Так свершилась научная революция монахов.

У них не было детей
и морочащих их прогрессивные головы жен,
думающих, что мужья,
бросающие с башен камушки,
посходили с ума.
Основной инстинкт
и первая заповедь Адаму и Еве
был отключены.

Так, методом изоляции и горячего искусственного отбора
началось выведение той разновидности ученых,
которая сохранилась и сейчас.

И в средние века
сожжения был достоин далеко не каждый ученый.
При виде некоторых опусов у святой инквизиции
опускались руки и Высшая комиссия
долго ломала головы,
стоит ли под иными трудами

разводить священный огонь.
А ученых становилось все больше
и сжигать их и их труды становилось все накладнее.

И вот Наука,
освещаясь и обжигаясь в тлеющих еще углях
костров инквизиции,
робко сошла с раскаленного эшафота,
ежась от непривычной прохлады,
путаясь в новенькой мантии,
пересекла рыночную площадь
и взошла на престол.

Толпа народа развернулась
и с изумлением стала ждать,
кого же начнет казнить и миловать
новая богиня.

Рядом с престолом стоял рабочий стол,
на котором лежали накопившиеся
за много веков пыльные вопросы.
Не оправившаяся от потрясения Наука
вынула обгоревшее перо и, вздохнув,
принялась за работу.

А на затухающих кострах инквизиции.
были заложены здания первых институтов.

От научных статей
веяло спокойствием и уверенностью,
точки на графиках убеждали,
непонятные формулы успокаивали:
немногие оставшиеся проблемы
будут решены.
Народ чувствовал себя
в надежных, умелых, сильных и правильных руках.

В Институте обсуждали вчерашний матч или фильм,
здоровались, шутили,
им предстояло провести вместе
долгий рабочий день,
начиная с теплых чаев
и горячего кофе.
Они пили и бежали в туалет,
замыкая вечный круговорот событий.

Это был
Институт постижения Всего,
«Аристотель».

Так звали первого, бессменного и единственного
Основателя Института.
У него, конечно,
были имя, отчество и фамилия,
но, как человек широких эллинистических взглядов,
он настаивал,
чтобы его называли именно так.

Приближенные сотрудники
удостаивались чести
обращаться к нему:
«О, Учитель!».

Он несколько раз в день
умащивал тело маслами,
заседания демократично проводил
под деревом в институтском саду,
носил котурны на босу ногу и лавровый венок.
Дороже всего ценил истину.

Был поразительно похож
на изображение того самого Аристотеля
и старожилы намекали,
что это тот самый Аристотель и есть.

Все его привычки были те самые, аристотелевские:
женщин предпочитал молчаливых,
институтским весельчакам заявлял,
что ни один свободный человек
не будет играть и петь,
если он не пьян.

Обожал холмы – перевернутые Сосуды.
Настоящий город должен быть виден с холма —
часто повторял он.
Наверное, поэтому и выбрал Киев.
Предлагал даже создать
город-государство Киев,
наподобие древних Афин.

Аристотель родился
почти сразу после казни Сократа
настойчивой греческой демократией.

Пока его могущественный ученик Александр Македонский
осваивал империю
и примерялся к Вавилону
Аристотель, пользуясь наивысшим покровительством,

написал Всё,
что сделало его великим.

Когда Македонский неожиданно умер
Аристотеля, естественно, тут же судили и приговорили
к смертной казни.
Он не собирался травиться,
как Сократ,
бежал,
женился на племяннице
какого-то тирана,
исчез, якобы умер,
и возродился во всей своей
славе и бессмертии.

С прежним именем,
но в новом облике
предстал перед руководством Университета.

На этом месте он застал
возглавляемый Европой
захудалый институтик,
еще греющийся на догорающих углях
средневековых костров.
Срочно требовались
Возрождение, Просвещение, Реформация.

Очень нервная береговая линия у Европы.

Каждый полуостров – полная неопределенность —
не остров и не материк.
И куда он движется,
и движется ли?
Да еще и тысячи островов вокруг.
Многие растерянные мудрецы на них рождались.

Посмотрите, какая у Китая
плавная и гладкая
береговая линия.
Только один полуостров выделяется
и сразу отделяется —
Корея.

А у Европы таких полуостровов пять
и Все – рассадники империй,
это еще без Англии.
У переменчивого европейского краба

какой-то полуостров
становился Головой,
а остальные – руками, ногами, клешнями и панцирем.
Потом другой отросток суши умничал
и облик прекрасной Европы
разительно менялся.
Европа была сложной,
очень сложной.

Зарядкой, косметикой и завтраком
у толерантной и политкорректной Европы
был сбор разлетевшихся за ночь органов
в единое прекрасное тело.

Органы,
а с утра они Все именовались одинаково:
органами
и больше никак,
со спорами и скандалами решали,
кто сегодня будет
ногами, руками, желудком, сердцем, клешнями, панцирем
и, самое главное, Головой.
Не Всегда удавалось Всех собрать,
почти никогда.

Объединение Всей Европы так и не осилил никто,
ни Карл Великий, ни Наполеон, ни Гитлер.
Даже великий Рим меньше ее половины собрал.

Историки рассказывали,
что сейчас уже наметился прогресс.
Раньше и целых органов толком не было —
рассыпанная мозаика
из вольных городов, княжеств и графств.
Тогда и начали картины мозаикой выкладывать,
чтобы можно было Всё быстро поменять.
В музеях и на выставках стали появляться скульптуры
без рук, ног и головы.
Это были зарисовки европейской жизни.

Каждое утро Европа
нервно пыталась собрать воедино свои строптивные части.
Полный Китай этого ревниво, но терпеливо ждал.
Китай тайно обожал Европу.
Каждый день к обеду она выходила
совершенно иной и непредсказуемой.
Глядя на нее,
Китай стал терпимее относиться к двум Кореям,
даже к Японии.

Для всякого рода посетителей, просителей,
и прочих непосвященных
главное было понять,
кто работает Головой сегодня.
С первого раза это мало кому удавалось.

Колумб, например, с пятого раза угадал.

Итальянец Колумб
перешел на службу к французскому принцу,
потом присягнул португальскому королю.
Когда тот не дал денег
на его морскую авантюру,
Колумб обратился к испанскому герцогу,
который и слушать его не захотел.
Самыми внушаемыми оказались
католические величества Испании,
и то со второго захода.
Наверное, сказался национальный подъем
после изгнания евреев.

А ревнивый китайский император
смотрел, смотрел на это,
да и сжег Все свои корабли:
нечего китайцам
в этой изрезанной Европе искать.
И то был флот
не из трех,
как у Колумба,
а из трехсот кораблей.
И каких кораблей!
Куда там колумбовым лодкам.

Пятая попытка удалась Колумбу.
Не сомневайтесь, он бы продолжал.
Около пятисот королей, князей и графов
правило тогда в Европе,
был выбор.
А будь Европа единой, как Китай,
после второй же попытки
Колумба бы казнили.

Какое, выходит, счастье,
что тогдашняя Европа
была так раздроблена.
Не видать бы объединенной Европе колоний,
а будущие колонии
прозябали бы в своих провинциях до сих пор.

А так индусы начали играть в крикет и пить английский чай.

Ружья, пушки, книгопечатание, электричество
и куча других идей
традиционно Европой отвергалось
и сообразительные изобретатели пользовались
желанием светлейшего Герцога
переплюнуть соседнего Графа,
а то и самого Короля.

А в Китае провинциями управляли чиновники
и была дисциплина.
Партия евнухов была за флот и прогресс.
Их же противники,
находили высшую гармонию в интимном уединении.
Для этого была необходима Стена.
Партии было две,
император один.
Партия Стены победила партию Флота.
Какое везение для Европы,
что Китай был единым, монолитным
и здоровые мужики в нем победили.

А получи Колумб поддержку французского короля,
Франциска I,
что в какой-то момент казалось логичным
и даже вероятным,
вышел бы он из французского порта
под французским флагом.
И не было бы испанского века,
Сервантеса и Веласкеса.
Франциск I,
а не испанец Карл V Габсбург
получил бы долгожданную
императорскую корону,
а обе Америки и большая часть Европы
и по сей день говорили бы по-французски.
Были бы другие войны,
государства и страны.
Ренессанс назывался бы по-другому,
великие революции,
может, произошли бы в Англии и Германии,
а не во Франции и России.

Зато теперь туристы могут любоваться
китайской Стеной,
а не ломать головы над иероглифами
в обеих Америках и Австралии.

На работу в Институт Александра принимал
сам Аристотель
в увитом виноградом кабинете-беседке.

Поняв, что Александр – еврей,
Аристотель странно удивился,
долго его рассматривал и расспрашивал,
как и почему он тут оказался.
К своему стыду, именно в истории евреев
Александр был не силен.

Застряли еще в Древнем Египте,
который Аристотель как раз хорошо знал
по рассказам своего учителя Платона,
который еще до основания школы в Афинах
жил в Египте и учился вместе с евреями.

Основатель вспоминал,
какие свитки присылал ему
Александр Македонский
из захваченного Иерусалима.

Что Александр знал
про древние иудейские свитки?
Приходилось многозначительно кивать.

И тут к ним,
на правах древнего знакомого,
ввалился Ахиллес
с Черепахой под мышкой.

Постепенно тот самый злополучный парадокс,
не без участия врагов греков,
тroyнцев,
а позднее спартанцев и римлян,
перерос в зловещую сплетню,
о том, как прославленный герой,
на самом деле не может ступить и двух шагов,
даже черепахе догнать.
Приплеталась к этому
и злополучная Ахиллесова пята.
Начали ползти слухи
о хромоте и ранней смерти героя.
Не сильно искушенный в парадоксах Ахиллес
был совершенно растерян.
Дело даже не том,

что он с первого шага обгоняет черепаху,
а в том, как это вообще Всё получается?

Совершенно травмированный этим вопросом,
он ушел с военной службы,
пережил слухи о своей смерти,
подавался учеником к различным философам,
которые совершенно запутали его самого и Черепаху.
Верная Черепаха сопровождала его
во Всех философских скитаниях.
Понять, почему быстроногий Ахиллес
не может ее догнать
она тоже не могла,
но Всегда ему сочувствовала,
утешала и страшно радовалась,
когда после очередного
тысячного и миллионного эксперимента,
он с легкостью опережал ее.

Поняв, что философия им не поможет,
они затаились и терпеливо ждали
неизбежного ее упадка
и расцвета Науки.
Продержавшись Всё Средневековье
они добрались до Института,
узнав, что он основан самим Аристотелем.
Сначала их пугало
философское прошлое Основателя,
но потом, решив,
что в одну реку нельзя войти дважды,
они вступили в его зеленый кабинет
в надежде разрешить, наконец,
их головную боль.

Эта история совершенно возмутила Аристотеля.
Ему самому поднадоели уже и Зенон, и Сократ
с их парадоксами.

Сам он революциями не занимался,
мечтал о просвещенной монархии,
пострадал от демократии,
самой первой,
афинской.

Сократа же за его парадоксы казнили.
И понимали, кого казнят, но казнили,
по закону,
демократично,
с голосованием,

почти с референдумом:
более пятисот человек высказалось.
Мудрый и наивный Сократ,
первый античный просветитель.
Он верил, что слепые прозреют
и глухие услышат,
а прозревшие будут безумно счастливы
увидеть этот прекрасный мир.

Много лет спустя,
Александр с Женой побывали в Афинах
на четырехугольной площади рынка,
на том, что от нее осталось.
Здесь и проповедовал Сократ.
Уцелел и тогдашний туалет
на одной из сторон площади.
Это была выдолбленная в камне траншея,
по которой протекала вода.

Никаких перегородок не было,
Всё по-демократичному прозрачно и открыто,
не надо даже сдерживаться,
боясь упустить мысль Сократа —
садись и продолжай впитывать мудрость.
Человек же находится не там,
где он сидит,
а там, где его мысли.

Александр посидел на обломке колонны,
покормил яблоком философствующую рядом черепаху.

После смерти Сократа
долго еще никто не хотел
заходить в клетку со львами.
Не захотел и Аристотель.
Он ревновал к Зенону,
который, хоть и двумя веками ранее,
не побоялся схватиться с тираном
и героически погибнуть.

Зенон, даже для Аристотеля,
был классиком.
Сам Аристотель с тиранами
предпочитал мириться,
но революционную смелость,
в глубине души, уважал
и решил, наконец, раз и навсегда разобраться в вопросе.

Какое может быть Возрождение,

если даже Ахиллес
не догонит
ползущую черепаху?
Понятно, что догонит,
но сама мысль, что может не догнать...
И тому есть расчеты!
Нужна была новая теория.

Аристотель откашлялся
и начал вступление
о герое древнего мира, Зеноне,
его борьбе с тиранами
и незабываемом, классическом уже, парадоксе.

Этот Зенон, конечно, герой и древний,
но своими парадоксами
тормозит наше поступательное
теоретическое движение вперед.
Давно пора
окончательно развенчать
парадокс Зенона
и вынести его из интеллектуального мавзолея.

И Аристотель предложил Александру исследовать,
да, да,
парадокс Зенона
и он надеялся,
он был уверен,
что уважаемый еврей,
с этим справится.

Застывший Александр вдруг понял,
что сейчас он должен,
если не выразить обязательный восторг,
то хотя бы улыбнуться.

Была создана лаборатория имени Зенона,
в которую и попал
только что поступивший в Институт Александр.

Теперь ему предстояло разбираться,
почему пострадавший от древней тирании Зенон
считал, что чемпион по бегу Ахиллес
не сможет обогнать свою собственную Черепаху.

Не может же быть,
что Зенон, действительно, так считал.
Он же был совсем не дурак
и черепах каждый день видел.

Может поиздеваться решил
или что-то другое доказать?
А может, он все-таки был прав,
по какому-то бесконечно большому счету?

С такими тяжелыми думами
Александр брел в библиотеку,
перебирая варианты.

На стометровке, конечно, не догонит.
А если устроить марафон,
длиною в жизнь?
Тогда греки жили, в среднем, тридцать лет,
а черепахи – триста.
Вот и обнаружила бы Черепаха на своем пути
бездыханное тело Ахиллеса,
даже оплакала бы его,
посидела бы несколько дней в трауре,
и, не торопясь, потопала бы дальше,
к победе.

Нет, этот парадокс,
не из нашего земного мира,
в котором бесконечно и скучно
тянутся две параллельные прямые,
которые никогда, вообще никогда,
не пересекутся.
А если и пересекутся,
то мы этого никак проверить не сможем,
потому, что пересекутся они, может быть, в бесконечности
и нам до нее на этой Земле не добраться.

Чем больше он занимался,
тем больше понимал,
что не такой уж и парадокс
был описан Зеноном.

Из него следует, что движения вообще нет,
а, значит, нет ни времени, ни пространства.
Зенон это угадал,
но никак не мог доказать,
кроме как таким дурацким примером.

В природе нет
ни прямой линии, ни окружности, ни даже точки.
Математика к природе
не имеет никакого отношения.

Стоп, стоп, стоп.

Диссертацию ему писать и защищать
в этом брэнном мире,
где нет никаких бесконечностей,
а эту кляксу на бумаге
принято считать идеальной точкой.

И он попытался представить
какого-нибудь галактического Ахиллеса
и такую же космическую Черепаху,
которые соревнуются,
двигаясь по изгибам поверхности в пространстве,
где сам путь решает Всё.
Ахиллес огибает по своему пути половину галактики,
где его уже давно ждет
сделавшая два шажка, но по своему пути, Черепаха.

Или в микромире какой-то, то ли квант, то ли частица
по имени Ахиллес
куда-то несется, теряя массу и почти исчезая,
а неторопливая грузная Черепаха
уже давно ищет почти исчезнувшего Ахиллеса на финише.
Сложно быть Зеноном в нашем прямолинейном мире.

Первый же доклад,
который Александр услышал в Институте,
обнадежил его ссылкой на парадокс Зенона.
Кремень занимался доказательством того,
что жизни на Земле нет,
даже растительной.

Выглядело это вполне логично.
Какова доля Земли во Всей массе Космоса?
Ноль целых, ноль десятых,
тысячных и миллиардных.
Вероятность, возникновения Земли
пренебрежимо мала,
в сущности, равна нулю.
Этой Земли-песчинки практически нет,
ее невозможно даже разглядеть.
Ноль целых и еще длиннющий ряд нулей после запятой.
И как на такой песчинке
вообще может что-то появиться?
Это совершенно нереальный Переход,
он невероятен, невозможен.

То, что мы видим, слышим и едим —

это иллюзия,
странный мираж,
бессмыслица,
каменный сон.

Существует же парадокс Зенона о том,
что никто и никогда не догонит никакую черепаху.
И неважно, что он ее догонит.
Существует строгое логическое доказательство.

Кремень был прямым потомком
тех самых заполняющих Галактику
аристократических Камней.
И потомки тех самых древних Камней
не оставили попыток
во что бы то ни стало,
любой ценой,
хотя бы сейчас
доказать свою правоту.

Александр от этой идеи был в полном восторге:
каменный парадокс
давал надежду защитить диссертацию
на парадоксе Зенона.

Попробуй доказать,
что ничего нет
и диссертацию защитить,
и академиком стать,
и финансирование получать.
А это направление Кто-то поддерживал,
загадочно и непонятно.
Но Наука и должна быть загадочной и непонятной.
Это вам не Стену или Башню из камней сложить.
Это Наука!

Сам Кремень излучал принципиальность и
почти Всегда голосовал против.
Он был чужой в этой
податливой,
мягкой,
желейной,
органической цивилизации.

Но нельзя сказать, что Кремень
был совершенно чужд компромиссам.
Когда заходила речь
о размножении, эротике, даже сексе,
Кремень, совершенно не смущаясь,

с великолепным спокойствием
вел Всех в музей камней
и с азартом демонстрировал
самые прочные и драгоценные
алмазные и бриллиантовые
семьи электронов и протонов,
и их легкомысленно-неустойчивые радиоактивные связи.

Кстати, и личная жизнь
у него складывалась превосходно.
Он увлекался, конечно же,
скульптурой
и мог воплотить
в мраморе, нефрите, хрустале, малахите
любую свою мечту и фантазию.

У него даже был молодой,
довольно успешный ученик.
Он доказал,
что весь мир состоит
из одного электрона,
который движется
со сверхсветовой скоростью по Вселенной
и точкой, носящейся по объемному, многомерному экрану,
изображает нашу жизнь.
А иначе, как объяснить, что Все электроны
как близнецы,
похожи друг на друга.

Гора родила электрон,
но какой.
Его и звали Электрон,
и сам он был таким живчиком-электроном,
за мгновение оббегающим весь Институт.
Он метеоритом влетал в комнату,
пожимал руки
одновременно Всем сотрудникам,
разговаривая сразу со Всеми,
захлебываясь от своих
так медленно текущих слов,
брызжа глаголами и идеями,
желая заниматься Всем,
сделать Всё.
Глядя на него, казалось,
что, действительно,
ни для кого другого
места во Вселенной
уже не осталось.
Подозревали, что он вообще никогда не спал.

Как же может заснуть Электрон,
один образующий Вселенную?

С глубочайшим презрением относился ко Всем,
кто ограничивал себя скоростью света —
примитивные создания.

Маленький, худенький,
Электрон все время двигался, подпрыгивал и говорил,
Кремень неподвижно молчал.
При этом они прекрасно ладили
и понимали друг друга,
почти никогда не разговаривая,
переглядываясь и кивая.

Это вселяло надежду
на единство противоположностей,
а не только на их борьбу.

Стараясь вникнуть
в образ и мысли Зенона,
Александр забрел в университетский отдел древних рукописей
и натолкнулся на незаметную дверь,
выглядевшую, как стена.

Из проступающих греческих букв
на еле заметной старинной табличке
Александр полупрочел-полуугадал
свое имя.
Неужели что-то
из Александра Македонского?
Отодрав старую дверь,
он будто вошел
в сгоревшую Александрийскую библиотеку,
в ее технический музей.

Там была перекочевавшая из Приседающего Дома
чудом воскресшая рукопись
и модели почти Всех дошедших до нас
машин и механизмов Герона Александрийского.

Тут же рядом некто Конфуций описал,
как мухи обнаружили рукопись,
которая активировала призрак Герона.

Александр разглядывал модели
и читал описания.

Можно было разжечь
на храмовом алтаре огонь
и возносить игрушечные молитвы богам,
залить в пересохшие сосуды воду и вино,
засыпать новый песок,
заменить истлевшие веревки
и снова смотреть
величественные греческие трагедии,
слушать предсказания оракулов
из храмов-рычагов
и свистящих чайников-птиц.

Автоматизированный храм,
к воротам которого
подходит жрец,
возжигает на алтаре священный жертвенный огонь
который, где-то за кулисами,
греет воду.
Та нагревается и расширяется,
переливается в другой сосуд,
пересыпается песок,
под тяжестью которого
веревки натягиваются на блоках,
медленно и торжественно,
с паровой органной музыкой,
открываются храмовые ворота.

Огонь слабеет и затухает,
воздух и вода охлаждаются
и возвращаются обратно,
ворота храма закрываются
до следующей службы.

И это означает,
что жертвы и молитвы приняты
и благополучная жизнь продолжается.

Если что-то заедало
и ворота не открывались,
то журили нетвердых в вере прихожан.

А после незадачливый храмовый механик получал взбучку за то,
что недосмазал, недопрочистил, недокрутил.
Очень уж сильно его, конечно, не наказывали —
высокой квалификации и деликатности
требовала эта профессия.

И эта идея Герона, судя по всему,

применялась.
Раскопан археологами такой автоматизированный храм.

И тут же сосуды
для превращения воды в вино,
автомат для продажи воды,
святой воды,
торговый автомат,
пожарный насос,
хитроумные фонтаны.

Мир мечты продолжался в автоматическом театре:
веревки на блоках, гирьки, грузы.
Шары падали на медные листы,
раздавался гром,
пар выходил из трубочек
и свистел на все лады.

Еще и в Средние века
над Героном ехидно посмеивались,
кивали на на так и не сбывшуюся
паровую машину,
на языческие трюки
с автоматизированными храмами
и превращающими воду в вино сосудами.

Призрак Герона
явно преследовал именно Александра,
являлся ему во сне и требовал,
чтобы Все его идеи были воплощены.
Александр не слышал от старожил,
что Герон кому-то являлся раньше.
Почему он избрал именно его?
Не из-за его же знаменитого
греческого имени.
Две тысячи лет
не с кем было ему разговаривать?

Пришлось для Герона соорудить
чайник с горелкой на подставке с осью.
Чайник кипел, вращался,
Герон успокаивался.
Из чайника с посвистом вылетал Паровой Джин,
толкал его по кругу
и выполнял просьбы Герона —
они были друзьями.
Вода в чайнике кончалась,
уставший Джин отдыхал,
оправдываясь,

что все равно вечный двигатель невозможен.
В доказательство листал
современный учебник по физике.

В ответ, мстительно ухмыляясь,
Герон добавлял,
что невозможно и бессмертие
этих наглых белковых тел.
Эти биологические существа,
болтливые организмы,
которые считают,
что не может быть вечного двигателя,
мечтают о бессмертии.
И не только мечтают!
Целые лаборатории и институты создают.

При этом указывал на слово «Всегда»
на фасаде Института.

– Но есть же морские ежи,
живущие по сто лет.
Известна черепаха,
которая могла жить вечно
и лишь случайно умерла.
– Ты экстраполируй, экстраполируй, больше!

Герон нервничал,
добавлял воды и огня в горелке,
Паровой Джинн горячился
и дискуссия продолжалась.

Если от идеи вечного двигателя
ученые оказались
даже с каким-то облегчением и злорадством,
бойкотом этой темы,
то отрицание идеи бессмертия и по сей день
дается очень тяжело и болезненно.

Попробуйте заставить
уважающего себя маститого ученого
не разбираться, не испытывать,
а только посмотреть
какой-нибудь совершенно невинный, простенький,
даже работающий вечный двигатель.
Пусть даже не вечный, но пока что работающий.

Он даже обидится,
и руку подавать вам перестанет.
А скажите ему,

что любой белок смертен
и нечего даже пытаться
его жизнь до бесконечности продлить,
он уже с вами крупно поссорится.

А добавьте, что эту никчемную жизнь нечего и продлевать —
тут уж он и разговаривать с вами перестанет,
и всякие отношения прекратит.

Всё это и произошло с Героном,
которого подзуживал Паровой Джинн,
и при этом, на свою голову,
присутствовал Александр.

Профессор Бессмертный
совершенно безжалостно отбрасывал и пресекал
всякие лженаучные попытки постижения
вечной жизни двигателя.

«Не научно» – это был приговор.
При этом ящик его головного мозга захлопывался,
тема считалась исчерпанной,
дальнейшие разговоры он прерывал,
и далее избегал встреч с вами.

Непритворно и непрерывно
он был встревожен проникновением
лженауки
в незамутненный научный кристалл.

Герона и Джинна мало интересовало
мнение и настроение Профессора,
но Александр планировал защищать диссертацию и,
чтобы сгладить неприятное впечатление,
решил рассказать
об одном очень удачном опыте
с философским камнем,
начав, как всегда,
со своего фирменного дурацкого вопроса.

– Профессор, Вы бы приняли в аспирантуру
человека из народа,
который предложил бы получать
золото из мочи
на основании схожести цветов?

В семнадцатом веке
Бранд из Германии был тем самым авантюристом и дилетантом,
которого и близко нельзя подпускать к науке,

даже к лженауке, алхимии.
Начинал он простым солдатом,
так как денег, связей и образования
у него не было.
Объявил себя врачом.

Судя по тому,
что солдаты его не повесили,
голова у него работала
и каких-то знаний он нахватался.
Его душа алхимика жаждала
философского камня.
Поразмышляв, он понял,
что совершенное можно найти
только в самом совершенном
божьем творении – человеке.
Более того, неискушенный человек
каждый день выливает из себя
совершенно золотую,
переливающуюся на солнце жидкость.
Это и есть тот самый философский камень
в жидкой форме.

Лаборатория и оборудование
уже тогда стоили очень дорого.
Бранд занялся торговлей,
накопил денег на лабораторию.
По дешевке он покупал золотую жидкость в соседней казарме,
кипятил, выпаривал, смешивал, прокаливал, перегонял.
И у него получилось!
Он увидел золотистый воск на дне колбы.
И это золото, к тому же, ярко горело и светилось в темноте.
Светилось Всё,
к чему оно прикасалось.
Куда там золоту!
Это была сама первичная материя.

Завистники объяснили купцу,
уже ученому-дилетанту,
что это не золото,
не первичная материя,
даже не металл.
Это был фосфор, в переводе – светоносный.
Для купца он и стал философским камнем,
на вес золота,
дороже золота,
так как многие годы притягивал для него
золото, серебро и драгоценные камни.

Так Европа,
освещенная холодным зеленым светом фосфора,
выходила из Средневековья.
Впервые со времен Античности
был получен новый элемент.
Потом тайну изготовления
у этого неуча
купил великий ученый Лейбниц.

Профессор взбесился:
«Нашелся представитель народа!
Какого народа?»
Он объявил Александру,
что гениальный Бранд
ни в коем случае дилетантом не является,
так как профессионально изучил свой вопрос,
несмотря на отсутствие систематического образования.
И участие в этом самого Лейбница
неоспоримо этот профессионализм доказывает.

Как этот еврей
позволил себе глумиться
над гениальным открытием фосфора
и над самим Лейбницем.
Теперь этот потомок Авраама
с присвоенным именем Александр
приперся к нам в Институт,
чтобы учить нас,
самого Аристотеля!
Откуда взялся на наши головы
этот еврей?

Последние фразы Профессор
уже произнес про себя,
но Александр прекрасно их понял
и это заставило его стать осторожнее
в словах и выводах.

Кроме обиды,
он понял, как трудно, почти невозможно,
кому-то что-то доказать.

Ведь тысячи лет люди видели,
как подпрыгивает крышка
котла, горшка или кастрюли
от пара кипящей воды.
Наверняка были и гениальные кухарки,
которым надоедало без конца вытирать плиты
и они жаловались хозяину или мужу,

что, чем крышки подбрасывать,
лучше бы этот пар мельницу крутил
или телегу двигал.
Но кто слушал эту дуру.

Уже тогда Паровой Джинн
так поддавал огня,
что крышка взлетала и улетала
в дальний угол кухни.
Как мог, намекал.

Да что там сложный паровой двигатель.
После Герона
простой арбалет в разных местах еще раз пять заново изобретали.
Не по зубам многим народам и эпохам
он оказался.

Ну, в конце концов, можно и без арбалета прожить.
Но нет, какой-то неутомимый источник
заставляет снова и снова
открывать Америку, законы Ньютона, паровой двигатель и арбалет.

Представьте, как какой-нибудь
первобытный Галилей
выходит с товарищами из пещеры
и, вместо поиска пропитания,
с горящими глазами взбирается на дерево,
и с возбужденными криками
начинает бросать вниз
камни, бананы, орехи
и внимательно наблюдать,
как они падают.

Его с восторгом поддерживают
сидящие рядом обезьяны,
а нормальные сородичи
недоуменно смотрят снизу вверх.

Слезши с дерева,
он забивается в дальний угол пещеры
и что-то смешивает в костре.

Потом с разбегу прыгает в какую-нибудь лужу
и удивленно наблюдает,
как вода выходит из берегов
и Всегда правильными кругами расходятся волны.

Если ему повезет
сородичи вспомнят,

что он придумывал много полезного,
и будут снисходительно смотреть,
как он углубляется в теорию.

Хорошо, если до него вовремя дойдет,
что из обнаруженного им в костре оплавленного стекла
нужно срочно сделать
украшения для женщин
и игрушки для детей.

Две тысячи лет назад греки могли
разработать паровой двигатель,
свершить индустриальную революцию,
гребцов с галер
отпустить на свободу,
устроить работать на судоверфях
и платить им зарплату.

Глядя на игрушки Герона,
Александр начал понимать,
насколько не было в таких изобретениях
потребности в обществе.

Усовершенствованное оружие
не помогло и Клеопатре в Египте,
где Герон жил.

А представляете,
как летали бы ее пароходы,
а мощные пружины арбалетов-пушек
разносили бы
борта вражеских кораблей
и любые стены.
Ах, с какой радостью страстью и триумфом
въехала бы Императрица на гигантском арбалете в Рим.

Не получила Клеопатра
паровых кораблей
и усовершенствованного оружия.
Она пользовалась своими средствами,
теми, что были ей ближе,
которые были много раз опробованы.
И в чем-то она была права.

Гениальный Архимед погиб
вместе с Сиракузами.
Его немислимые машины
захватывали, переворачивали и топили
корабли противника.

Огромные зеркала
сжигали их еще далеко от берега.
И не только война.
Специально изобретенные лопасти
перекачивали воду в сады и на поля.
Сицилия цвела,
была интеллектуальным и культурным центром
еще до Афин.
Крохотные Сиракузы
были непобедимы.
Достаточно одного правильного гения
при мудром правителе.
И в этом победном благополучии
бес попутал
придворного ювелира
чем-то разбавить чистое золото
в царской короне.
Возникли подозрения, слухи,
но не было доказательств.
Царь обратился, конечно, к самому умному, Архимеду,
и тот справился с задачей блестяще.
Он же всю жизнь наблюдал,
как вытесняют воду
корабли в море,
тела в ванне.
Ничем от них не отличается и корона.
Попросил у царя меру золота,
равную весу заказанной короны,
проверил сколько воды оно вытесняет.
Потом опустил в воду корону —
разница была налицо.
Жулика-ювелира казнили,
Архимеда наградили.

И тут началась уже вторая Пуническая война.
Еще более совершенные машины и зеркала
были готовы для новой победы.
Но сын казненного ювелира
ночью открыл ворота.
И царь, и Архимед погибли,
Сиракузы перестали существовать
хитроумные рычаги и винты стали трофеями,
выжившие сиракузцы – рабами.
И кого спасли или осчастливили эти зажигалки?

А у Клеопатры в руках,
нет не в руках,
находилось другое,
самое простое и прекрасное в мире оружие,

она им
виртуозно владела,
и оно срабатывало,
хоть на какое-то время.
Любви в Риме явно не хватало,
но не могла и Клеопатра переварить
всех римских проблем.
А всякая там физика и механика
проходила мимо нее.

Да что там Клеопатра!
Самого Наполеона,
технаря-артиллериста,
ученые и изобретатели
тщетно уговаривали финансировать создание
подводных лодок,
летательных аппаратов,
ракет.

Вдруг беседа была прервана.
Чайник, вопреки Всем законам физики,
без огня,
начал бешено вращаться,
снарядом слетел со штатива
и разнес половину лаборатории.

Перегретый Паровой Джинн вылетел наружу,
ошпаренный Герон вспомнил о богах,
лабораторию очередной раз надо было ремонтировать,
но никто не был удивлен.

Все давно знали и понимали,
что их посетил Электрический Джинн,
скандальное воплощение
самого Зевса-громовержца,
метателя молний,
грозный ангел электричества.
Ему, невидимому,
даже не надо было подкрадываться
и он запустил меткую молнию
прямо в чайник Герону.

Электрический Джинн бросал икринки молний
в чашки, стаканы и бокалы
с кофе, чаем и пивом.
Напитки закипали, становились раскаленным шампанским,
сосуды взрывались,
платья и костюмы выбрасывались,
скандалы учащались.

Джинн обожал оживлять
таких слабонервных
меткими уколами тока.

Джинны Магнитный и Электрический
были близнецами,
но так как оба были невидимы,
то их часто путали.

У Электрического
был скрытный и вредный характер,
проявлялся тем, что неожиданно бил током,
и ставил эксперименты,
от которых Институт
вибрировал и дрожал.

Магнитный был работягой
и вечно таскал на себе всякий железный мусор.
Боялся перегревов:
магнетизм исчезал,
железяки опадали
и он опять становился невидим.
Потеряв так свой облик,
он уже не мог присутствовать на Советах,
так как другие члены,
а главное, Председатель,
никак не ощущали его пребывания.
Перегрев он переносил мужественно,
как простуду,
отсидеваясь в лабораторных холодильниках.

Электрического на Совет не пускали,
потому что, кроме опасных шаровых молний,
он никак не мог обозначить
свое наличие.
Некоторые члены Совета
даже не верили в его существование.
Джинн обижался и усиленно искал форму.

Ставить ультиматумы Электрическому шутнику
было невозможно,
так как повелитель молний
мог лишить тока весь Институт
и даже лабораторию своего друга, Герона.

Изучение первоисточников
нужно прекратить вовремя.

Ангел-хранитель в облике мочевого пузыря
будил Александра, к чему-то его подключал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.